

DOI 10.15826/qr.2017.3.242

УДК 94(47)"1917"+94(470.23–25)+339.13.053.1

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС В ПЕТРОГРАДЕ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

Сергей Нефедов

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

THE FOOD CRISIS IN PETROGRAD ON THE EVE OF THE FEBRUARY REVOLUTION

Sergey Nefedov

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

According to official documents from the tsarist government and the works of many historians, the beginning of the February Revolution was a food riot caused by "food panic". It is believed that the panic was triggered by rumours about the establishment of a rationing system and whether there was enough bread in Petrograd. This article studies bread availability in Petrograd and the dynamics of its sale to the public. It is demonstrated that the food crisis in Russia began in October 1916, when, in conditions of galloping inflation, the government imposed fixed prices on grain, leading manufacturers (both landowners and peasants) to refuse to sell grain for devaluing paper money. Due to short supply, bread stocks in Petrograd were running low; at the end of January 1917, the Minister of Agriculture Rittich ordered that the flour norm handed out to bakeries be limited to 35,000 poods, which meant the daily norm per capita was 1 pound (409 g) of baked bread. In the absence of a rationing system, food was given out very unevenly, and there was not enough bread for a large proportion of those standing in line. This forced them to start queuing as early as possible (during the night or even as soon as evening came) to be able to get their bread in the morning at the opening of the bakeries. The shortage of bread resulted in food panic. The first period of the food panic in the beginning of February coincided with

---

* Citation: Nefedov, S. (2017). The Food Crisis in Petrograd on the Eve of the February Revolution. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 635–655. DOI 10.15826/qr.2017.3.242.

Цитирование: Nefedov S. The Food Crisis in Petrograd on the Eve of the February Revolution // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 635–655. DOI 10.15826/qr.2017.3.242 / Нефедов С. Продовольственный кризис в Петрограде накануне Февральской революции // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 3. С. 635–655. DOI 10.15826/qr.2017.3.242.

when the opposition circles were preparing a mass demonstration for the opening day of the State Duma on 14 February. Alarmed by the preparations, on 10 February the municipal government ordered residents to be given five days' worth of flour in advance. This stopped the panic, but led to a sharp decline in the city's grain stocks. Consequently, on 18 February the government reduced the flour distribution to bakeries again, which caused another wave of panic. On 23 February, women standing in bread queues began revolting: on 24 February, a general strike broke out, and the February Revolution began. It was caused by the incompetence of the government and its inadequate measures in a crisis situation. Despite all the efforts later made by the Provisional Government, the supply of Petrograd was never restored, so the bread shortage led to new political crises during 1917.

Keywords: Petrograd; 1917; February Revolution; food crisis; hunger; supply difficulties.

В официальных документах царского правительства и в работах многих историков начало Февральской революции описывается как голодный бунт, вызванный «продовольственной паникой». Традиционно считается, что паника была спровоцирована слухами о введении карточной системы, что хлеба в Петрограде было достаточно. Рассмотрение вопросов о наличии хлеба в Петрограде и о динамике его реальных продаж населению показывает, что продовольственный кризис в России начался в октябре 1916 г.: когда в условиях галопирующей инфляции были введены твердые цены на зерно, производители (как помещики, так и крестьяне) отказались продавать его за обесценивавшиеся бумажные деньги. Недостаточный подвоз хлебных продуктов сокращал их запасы в Петрограде, и в конце января 1917 г. министр земледелия Риттих приказал ограничить выдачу муки в пекарни нормой в 35 тыс. пудов. При такой норме на одного человека приходился один фунт (409 г.) хлеба в день. При отсутствии карточной системы продовольствие распределялось крайне неравномерно, и значительной части стоявших в очередях людей хлеба не хватало. Это заставляло занимать очередь возможно раньше, ночью или вечером, чтобы иметь возможность получить хлеб утром при открытии булочной. Нехватка хлеба породила продовольственную панику. Первый ее период в начале февраля совпал с моментом, когда оппозиционные круги готовили массовую манифестацию в день открытия Государственной думы 14 февраля. Напуганное этими приготовлениями городское начальство 10 февраля распорядилось выдать жителям муку на пять дней вперед, что привело к резкому сокращению хлебных запасов, поэтому 18 февраля власти снова уменьшили выдачу муки в пекарни. 23 февраля начался бунт стоявших в хлебных очередях женщин, 24-го вспыхнула всеобщая забастовка – началась Февральская революция. Причиной были некомпетентность и неумелые действия правительства в кризисной ситуации. Несмотря на все усилия Временного правительства, снабжение Петрограда так и не было восстановлено, и в течение 1917 г. нехватка хлеба приводила к новым острым политическим кризисам.

Ключевые слова: Петроград; 1917 г.; Февральская революция; продовольственный кризис; голод; нарушение снабжения.

Вопрос об обстоятельствах возникновения продовольственного кризиса в Петрограде накануне революции стал дискуссионным начиная с момента возникновения этого кризиса в январе-феврале 1917 г. Лица, отвечавшие за продовольственное обеспечение Петрограда, утверждали, что кризиса как такового не было, что хлеба было достаточно. 24 февраля было опубликовано объявление командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова:

Недостатка хлеба в продаже быть не должно. Если в некоторых лавках хлеба иным не хватило, то потому, что многие, опасаясь недостатка хлеба, покупали его в запас на сухари. Ржаная мука имеется в Петрограде в достаточном количестве, и подвоз ее идет непрерывно [Объявление, с. 1].

Петербургский градоначальник А. П. Балк утверждал:

...голода не было, достать можно было все, к хвостам привыкли (хвостами называли очереди. – С. Н.)... Волновали слухи, распространяемые паникерами, что скоро мука перестанет доставляться, и выдача хлеба будет производиться по карточкам [Балк, с. 27].

Объяснения официальных лиц сводились к тому, что в двадцатых числах февраля случилась продовольственная паника, когда население бросилось закупать хлеб впрок. Министр земледелия А. А. Риттих недоумевал: «Произошло нечто необычное, вдруг появились громадные хвосты и страшное требование именно на черный хлеб... Отчего причина этой паники – это трудно точно разъяснить» [Государственная дума, с. 342]. Министр внутренних дел А. Д. Протопопов в своей телеграмме в Ставку утверждал, что продовольственная паника вызвана «внезапно распространившимися в Петрограде слухами» о введении карточной системы, при которой норма отпуска хлеба будет ограничена одним фунтом на человека (цит. по: [Шляпников, с. 118]). Таким же образом объяснял появление «хвостов» начальник петроградской «охранки» генерал-майор К. И. Глобачев, сетуя при этом на газеты, которые уделяли преувеличенное, по его мнению, внимание вопросу о предстоящем введении карточной системы [ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1917. Оп. 247. Д. 341. Ч. 57. Л. 9а]. Газета «Земщина» шла дальше и прямо обвиняла неких злонамеренных агитаторов, которые распространяли на фабриках и заводах слухи о том, что запасы муки в городе скоро закончатся [Дума нас «успокоила»! С. 2].

Официальная версия происхождения продовольственной паники прочно утвердилась в историографии, и ей следуют многие исследователи [Hasegava, p. 201; Лейберов, Рудаченко, с. 65; Первая мировая война, с. 59, 60, 73]. Иногда эта версия дополняется указаниями на какие-то другие обстоятельства. Г. М. Катков писал, что «слухи о введении хлебных норм больно ударили по народному воображению», однако оговаривался, что нехватка хлеба возникла еще

и потому, что булочники отсылали часть муки в провинцию, где она продавалась на черном рынке [Катков, с. 255]. На это последнее обстоятельство как на главную причину нехватки хлеба указывают также и авторы многотомной «Истории СССР» [История СССР, с. 632]. Р. Пайпс приводит другую причину нехватки: он утверждает, что пекарни сократили выпечку хлеба из-за недостатка топлива [Пайпс, с. 306].

Не приходится отрицать, что продовольственная паника действительно имела место, однако вопрос о ее причинах остается не вполне ясным. Почему слухи о введении карточной системы вызвали панику, ведь упорядоченное распределение должно было избавить людей от стояния в «хвостах»? Или, быть может, причина состояла в другом – в том, что снабжение пекарен мукой реально сократилось, и хлеба не хватало на всех? Если это так, то возникают дальнейшие вопросы: насколько сократилось снабжение населения и почему это произошло. От ответа на эти вопросы зависит подход к решению более общей и более актуальной проблемы: была ли Февральская революция спровоцирована случайной продовольственной паникой, или же она была результатом некоего объективного процесса?

Чтобы ответить на эти вопросы, придется начать издали – с проблемы финансирования войны. Во всех воюющих странах военные расходы намного превосходили обычные доходы бюджета, поэтому весь рост вставала проблема изыскания дополнительных средств. В промышленно развитых странах эта проблема решалась по большей части за счет внутренних займов; например, в Германии доля займов составляла 74 % военных расходов. Россия ввиду экономической отсталости не могла столь эффективно использовать ресурсы населения, и займы составляли лишь 25 % военных расходов царского правительства. Поскольку внешние займы также не могли решить финансовую проблему, то приходилось финансировать войну за счет эмиссии бумажных денег. В конечном счете, к денежным эмиссиям были вынуждены прибегать и другие страны, но в России эмиссия приобрела безудержный характер: к весне 1917 г. количество бумажных денег в обращении увеличилось во Франции на 100 %, в Германии – на 200 %, а в России – на 600 % [Шигалин, с. 301, 306, 309; Погребинский, 1968, с. 125; Сидоров, с. 146, 151].

Эмиссия необеспеченных кредитных билетов должна была привести к быстрому росту цен. В начале октября 1916 г. петроградское охранное отделение подготовило докладную записку, в которой указывалось на то, что цены на продукты в городе возросли по сравнению с довоенным временем на 300 %. В записке говорилось о «неимоверно прогрессирующей дороговизне и отсутствии источников и средств питания у голодающего в настоящее время населения столиц» [Доклад петроградского охранного отделения, с. 6, 11]. В связи с этим охранное отделение (уже тогда!) предупреждало, что среди населения «отмечается исключительное повышение оппозиционности и озлобленности настроений» [Там же, с. 6]. Действительно,

17 октября началась массовая стихийная забастовка рабочих Выборгского района Петрограда. Они направились к казармам, где размещались солдаты 181-го полка, и часть солдат присоединилась к рабочим (правда, они не имели оружия). Бунтовщики были разогнаны полицией и войсками, 130 солдат было арестовано. Однако забастовка продолжалась еще несколько дней, и число бастующих достигло 75 тыс. [Лейберов, Рудаченко, с. 45].

Американский историк Л. Хаймсон назвал эти события «репетицией Февральской революции», и они действительно показывают, что ситуация в Петрограде была чревата массовыми беспорядками на продовольственной почве уже с октября 1916 г. [Хэймсон, Бриан, с. 103]. Нельзя сказать, что власти не предпринимали никаких мер, чтобы смягчить ситуацию. С начала войны в столице было введено таксирование цен на продукты; таксы постепенно повышались, но все же они оставались значительно меньшими, чем цены свободного рынка. В конце 1916 г. фунт черного хлеба (409 г.) стоил 6 коп., фунт белого хлеба – 14 коп.; чернорабочий зарабатывал в среднем рубль в день, так что на дневную зарплату можно было бы купить 7 кг хлеба, но в одни руки давали не более двух фунтов [Шляпников, с. 326; ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 107]. За таксированными продуктами выстраивались очереди (более состоятельная публика приобретала продукты по заказу или с заднего хода по свободным ценам). Чтобы облегчить положение рабочих, принимались и другие меры: осенью 1916 г. на крупных заводах были устроены столовые и хлебные лавки [Шляпников, с. 328, 330]. Эти меры, вероятно, на какое-то время приостановили дальнейшее обострение ситуации: вплоть до января крупных стачек в Петербурге не отмечалось.

Однако проблема снабжения городов и армии продовольствием имела более широкий характер. В условиях инфляции производители товарного хлеба не хотели выпускать его на рынок, ожидая дальнейшего повышения цен. Это привело к тому, что в августе 1916 г. государственные закупки хлеба упали до 6,4 млн пудов – они были в десять раз меньше, чем в зимние месяцы [Кондратьев, с. 231]. Требовалось установить твердые цены и объяснить производителям – а это были по большей части помещики и зажиточные крестьяне южных губерний – что цены не будут расти, и они не получают прибыли, удерживая хлеб в амбарах. 9 сентября 1916 г. были введены твердые цены на зерно, обязательные для всех, в том числе и для частных сделок. Но нелегальный рынок со свободными ценами продолжал существовать, и поскольку они были намного выше, крестьяне отказались продавать хлеб по твердым ценам. Легальная частная торговля прекратилась, и снабжение городов хлебом стало задачей государства. Но за четыре месяца (август–ноябрь) государственные уполномоченные смогли закупить только 90 млн пудов, и продавцами были в основном те помещики, которые брали кредиты и нуждались в деньгах [К последнему заседанию, с. 2]. Между тем, четырехмесячное потребление

армии составляло 149 млн пудов муки и зерна [Китанина, с. 73], так что войска жили по большей части за счет прежних запасов, которые подходили к концу. В ноябре командующий Юго-Западным фронтом А. А. Брусилов предупредил правительство о надвигающемся голоде в войсках [Китанина, с. 217; Кондратьев, с. 200–201]. «Главной заботой правительства было продовольствие, – свидетельствует А. Д. Протопопов. – Явилась на местах так называемая “бисерная забастовка”... деревня не выдавала своего товара, не получая ничего взамен... Положение создавалось грозное. Столицы тоже не имели хлеба. Мельницы были без зерна» [Протопопов, с. 376]. 14 ноября Особое совещание по продовольствию констатировало:

Все заготовленные продукты отправляются преимущественно для нужд армии, а для населения остались лишь незначительные запасы в Петрограде и Москве. Таким образом, снабжение продовольствием населения будет находиться в полной зависимости от успешных текущих заготовок [РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 78. Л. 78–79].

Правительство решило принудить крестьян продавать хлеб. 29 ноября А. А. Риттих подписал постановление о введении продразверстки. Для каждой губернии устанавливался объем государственных закупок по твердым ценам, далее он распределялся по уездам и волостям и в течение 35 дней должен был быть доведен до производителей – помещиков и крестьян. В течение шести месяцев разверстанное количество хлеба было необходимо сдать государственным уполномоченным. Всего предполагалось закупить 772 млн пудов хлеба для снабжения армии, оборонной промышленности и крупных городов [Китанина, с. 255–259]. Риттих предполагал, что он за три недели поставит на ноги продовольственное дело в империи, однако к началу февраля министр был вынужден признать провал своих планов. Многие губернии требовали уменьшить размеры разверстки, крестьянские общины и помещики отказывались выполнять задания [Погребинский, 1950, с. 57–58]. М. В. Родзянко в записке, предназначенной для правительства, констатировал, что из намеченных к разверстанию 772 млн пудов на 23 января реально разверстано волостями лишь 4 млн, и «эти цифры свидетельствуют о полном крахе разверстки» [Родзянко, с. 69].

Между тем, тяжелая ситуация сложилась не только в армии – положение в провинциальных городах было прямо-таки катастрофическим. А. Г. Шляпников приводит конкретные данные о степени выполнения снабженческих заявок по некоторым городам и губерниям. Так, для Пскова было запланировано поставить в ноябре и декабре 1916 г. 321 вагон муки и зерна, а фактически было поставлено к концу января 1917 г. только 76 вагонов. Для Новгородской губернии было запланировано 1800 вагонов, поставлено только 10. Для Вологодской губернии было запланировано поставить 1080 вагонов, поставлено 200.

Для Рязанской губернии планировалось поставить 582 вагона, а фактически было поставлено к концу января лишь 20 вагонов. Из-за отсутствия зерна во многих городах (в частности в Царицыне, Тамбове, Нижнем Новгороде) остановились мельницы [Шляпников, с. 9]. Многочисленная мемуарная литература свидетельствует об отсутствии хлеба, об огромных очередях у продовольственных магазинов. В Воронеже населению продавали только по пять фунтов муки в месяц, в Пензе продажу сначала ограничили десятью фунтами, а затем вовсе прекратили. В Одессе, Киеве, Чернигове, Подольске тысячные толпы стояли в очередях за хлебом без уверенности что-либо достать. В некоторых городах, в том числе в Витебске, Полоцке, Костроме, население голодало [Погребинский, 1950, с. 54, 56; Лейберов, Рудаченко, с. 59; Китанина, с. 333]. Тульский губернатор А. Тройницкий писал:

Наступили такие тяжелые времена, что не знаю, как и справиться. С продовольствием очень плохо, ничего не подвозят, всюду «хвосты». Кончилось тем, что Оружейный завод 3 февраля забастовал и был закрыт, а рабочих с семьями – 100 тыс. человек, то есть половина населения Тулы... [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 33].

Вследствие продолжительной нехватки хлебных грузов (дефицит измеряется многими сотнями вагонов) положение Калужской губернии отчаянное. Голодные самоубийства, тифы...

– свидетельствовал князь Е. Н. Трубецкой [Там же. Л. 26].

Находясь в безвыходном положении, правительство ввело большие надбавки к твердым ценам за перевозку зерна на станции. Это принесло временное облегчение: за декабрь было закуплено 63 млн пудов зерна, за январь – 57 млн пудов. Но в феврале закупки снизились до 41 млн пудов: крестьяне поняли, что принцип твердых цен нарушен, что они будут расти и дальше, поэтому с продажей хлеба лучше повременить [Кондратьев, с. 231]. Тем не менее, в январе у властей появилось какое-то количество хлеба, достаточное для снабжения армии и крупнейших городов. Проблема теперь состояла в том, как доставить хлеб в города и на фронт: изношенные паровозы выходили из строя, и, к тому же, метели заносили железнодорожные пути.

Петроград находился на особом положении, и его старались обеспечить в первую очередь. Но в декабре, когда ситуация со снабжением армии стала критической, Риттих был вынужден перебросить на фронт 2059 тыс. пудов стратегических резервов, предназначавшихся для Петрограда [Мичурин, с. 297]. В связи с недостаточным подвозом запасы хлебных продуктов в городе сокращались, 15 октября 1916 г. они составляли 3464 тыс. пудов, а 15 января 1917 г. – 1946 тыс. пудов. Из этого количества 1214 тыс. пудов принадлежали городскому самоуправлению, 295 тыс. – государственному упол-

номоченному (градоначальнику Балку), и 437 тыс. – частным лицам и фирмам [РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 904. Л. 66, 77].

Частные лица берегли свой хлеб, выжидая повышения цен, поэтому при снабжении городских пекарен можно было рассчитывать только на запасы города и уполномоченного – 1509 тыс. пудов. Запасы были невелики, но все же положение было лучше, чем в соседних городах (Кронштадте, Петергофе, Сестрорецке и др.), где в гарнизонах стояло около 200 тыс. солдат, и запасов вообще не было. В начале февраля Риттих потребовал, чтобы Петроград передал этим городам 500 тыс. пудов муки, и, таким образом, городские запасы Петрограда уменьшились на треть [В городской думе, с. 5; Продовольствие Петрограда].

Установленная Особым совещанием по продовольствию в 1915 г. средняя суточная норма подвоза (и средняя норма потребления) составляла 120 вагонов продовольственных хлебов (зерна и муки) и 50 вагонов фуражных хлебов (1 вагон = 1 тыс. пудов), однако зимой 1915–1916 гг. реально поставлялось 74 вагона продовольственных хлебов и 32 вагона фуража [РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 892. Л. 25 об.]. В январе 1917 г. в среднем в сутки доставлялось 48 вагонов продовольственных хлебов и только три вагона фуража [Сведения о прибытии продовольственных грузов], и в связи с недостаточным подвозом выдача муки в пекарни была сокращена до 50 тыс. пудов.

Доставка фуража (овса) практически прекратилась, начался падеж лошадей, и в этих крайних обстоятельствах извозчики были вынуждены кормить их хлебом. Они договаривались с булочниками и покупали его с заднего крыльца. Городские власти попытались запретить извозчикам кормить лошадей хлебом, но те ответили, что в таком случае они перестанут развозить муку по пекарням. В городе было 60 тыс. лошадей, каждая лошадь потребляла полпуда хлеба в день, и для их прокорма теоретически требовалось около 30 тыс. пудов хлеба (20 тыс. пудов муки). Конечно, лошади не потребляли так много, они просто погибали, но все же на прокорм оставшихся шла какая-то часть из тех 50 тыс. пудов муки, которые доставлялись в город [В городской думе, 1917б; Вопрос к правительству, с. 4; Распоряжение по продовольствию, с. 3].

25 января проблема доставки продовольствия обострилась из-за метелей и снежных заносов на железных дорогах южнее Москвы. Объемы доставки резко упали. Опасаясь, что имеющихся запасов надолго не хватит, Риттих в конце января распорядился отпускать пекарням не более 30 вагонов ржаной и пяти вагонов пшеничной муки в сутки [Государственная дума, с. 341]. Из этой муки можно было испечь 50 тыс. пудов хлеба. Городские власти полагали, что в Петрограде 2 млн жителей, тогда на каждого из них пришлось бы по фунту хлеба. Однако, как потом выяснилось, жителей было на 200 тыс. больше [Квиткин], так что в среднем на каждого приходилось по 370 г. Это примерно соответствовало размеру хлебного

пайка для рабочих Ленинграда в начале февраля 1942 г. [Блокадный Ленинград]. Но в блокадном Ленинграде хлеб распределялся по карточкам, и каждому была обеспечена его мизерная пайка. В Петрограде хлеб получал тот, кто занимал место в очереди вечером и ждал всю ночь до открытия булочной в шесть часов утра. Первые покупатели могли получить по два фунта, а иногда и больше, но на половину очереди хлеба не хватало.

Для характеристики сложившегося положения приведем несколько выдержек из петроградской газеты «Биржевые ведомости». 28 января:

7 часов утра, но на улицах своеобразное оживление. Целый ряд хвостов тянется один за другим у дверей булочных... Публика ждет, но терпеливо дежурит, каждый ждет своей очереди.

29 января:

Согласно распоряжению градоначальника с сегодняшнего дня прекращена выпечка и продажа всякого рода тортов, сладких и сдобных булок, пирогов и т. п. В настоящее время, как известно, заметно ощущается недостаток муки... Вообще же торговля в петроградских булочных уменьшилась теперь против обычного на 60–70 процентов.

2 февраля:

Хвосты у петроградских булочных с каждым днем все удлиняются, а производство сокращается... Большинство петроградских булочных торгует в настоящее время с 6 часов утра до 8 часов утра, причем в течение этих двух часов положительно расхватывается все, что выпекается за ночь, а затем с 4 часов дня до половины шестого.

Положение продолжало ухудшаться. В первую неделю февраля в сутки доставлялось лишь 17 вагонов муки, крупы и зерна (а также три вагона овса) [Сведения по Петрограду, с. 72]. 4 февраля выдача муки пекарням была уменьшена до 28 вагонов муки [Мука для Петрограда] – это соответствовало январским нормам потребления блокадного Ленинграда, более низким, чем февральские. (В январе 1942 г. при населении примерно в 2 млн норма выдачи ленинградским пекарням составляла 407 т – 25,5 тыс. пудов муки [Соболев, Ходяков, с. 9].) При расходе в 28 тыс. пудов на каждого жителя приходилось бы по 300 г хлеба в день, если бы этот хлеб распределялся равномерно. Но хлебом кормили лошадей, и, кроме того, появилась проблема с его производством: в городских запасах оставалось очень мало белой муки, а многие пекарни, которые раньше специализировались на белом хлебе, не могли выпекать черный [Владельцам пекарен, с. 4].

Это была проблема, которую власти осознали не сразу. Только 22 февраля один из приставов Выборгской части доложил начальству:

...Недостаток хлеба объясняется тем, что булочники прекратили выпечку белого и ситного хлеба вследствие неполучения пшеничной муки, черный хлеб булочники-рабочие выпекать не могут, хлебопекоев же в настоящее время не имеется [РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 741. Л. 114].

24 февраля делегация булочников говорила Хабалову: «Горе не в том заключается, что муки мало, а в том, что у нас рабочих мало, пекарей мало...» [Падение царского режима, с. 185]. Речь шла о нехватке специалистов, которые могли бы выпекать ржаной хлеб. Хабалов переслал в Ставку прошение о демобилизации 1500 пекарей [Там же, с. 186], но, конечно, было уже слишком поздно.

Очередь в Петрограде. Февраль 1917

Queue in Petrograd. February of 1917

Поскольку булочники не могли перепечь всю выдаваемую им муку, то они откладывали ее в запас или отправляли часть муки в соседние города, где она стоила в три раза дороже [Снабжение населения хлебом, с. 3]. Хабалов предлагал уполномоченному Особого совещания В. Н. Вейсу увеличить поставки, но тот отвечал, что в пекарнях есть мука. «Он докладывал, что 23 числа он лично объехал Большой Сампсониевский пр. и осмотрел подряд пять лавок: оказалось, что мука во всех лавках была, причем в одной из них имелись запасы приблизительно на пять дней, судя по той работе, которую эта пекарня может выполнять. В других пекарнях имелось запасов еще боль-

ше, а в одной из них — почти на десять дней. Поэтому он объяснил, что, сколько вы ни отпускайте, они не перепекут всего в хлеб, так как делают себе запасы» [Падение царского режима, с. 186].

Таким образом, в действительности хлеба выпекалось значительно меньше, чем можно было бы его выпечь из поставлявшейся в пекарни муки. Сколько же выпекалось реально? Городская дума заключала договоры на выпечку ржаного хлеба с крупными пекарнями, и на 16 февраля было заключено договоров на изготовление 20,6 тыс. пудов хлеба [Снабжение населения хлебом, с. 3]. И. П. Лейберов и С. Д. Рудаченко полагали, что это и были реальные объемы выпечки, в таком случае на каждого из жителей Петербурга пришлось бы лишь по 100 г хлеба [Лейберов, Рудаченко, с. 63]. Все же надо думать, что хлеба выпекалось существенно больше, ведь имелось большое количество мелких пекарен. Однако их число сокращалось: 142 из них были закрыты, причем 121 – по причине отсутствия муки [ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 649. Л. 22].

Газета «Речь» писала 11 февраля:

Продовольственный кризис в Петрограде обострился. Многих необходимых продуктов или вовсе нет, или есть в недостаточном количестве. У кого нет запаса пшеничной муки, тот и за любые деньги приобрести ее не может. У мелочных лавок и у булочных тысячи обывателей стоят в хвостах, несмотря на трескучие морозы, в надежде купить булку или черный хлеб. Во многих мелочных лавках больше одного-двух фунтов на человека в день не продают, и многим приходится или являться в лавки со своими домочадцами, или становиться несколько раз в очередь у разных лавок, чтобы получить нужное количество хлеба. Черный хлеб отпускается из плохой муки и плохо выпечен. Белые булки по цвету и качеству немногим лучше черного хлеба. В некоторых районах за белый хлеб берут по 60 копеек за фунт.

60 копеек на фунт – эта цена была доступна лишь состоятельным горожанам, которые могли покупать хлеб из-под прилавка. Часто это делалось открыто:

В тех же самых торговых помещениях, где вам отказывают в продаже фунта хлеба, фунта муки, можете приобрести по «вольным ценам» любое количество муки белой или черной...

– писала газета «Земщина» 17 февраля. В то время как доставка хлеба почти прекратилась, в столицу прибывали большие партии мяса, продававшегося по спекулятивным ценам: в первую неделю февраля прибыло 203 вагона с мясом [Сведения по Петрограду, с. 72]. «В Петрограде... бедный стонет, а богатый все может иметь», – возмущался командующий Северным фронтом генерал Н. В. Рузский [Разложение армии, с. 44].

Большинству горожан приходилось довольствоваться черным хлебом, который отличался «скверной выпечкой» [В булочных, с. 4]. Когда осенью создавался запас муки, близкие к градоначальнику концессионеры

...наводнили склады сибирской мукой, которая при выпечке превращается в липкую замазку... Пока была другая мука, сибирскую старались не выпускать. Когда разразился мучной кризис, из запасов градоначальника стали выпускать и негодную сибирскую, к тому времени уже испортившуюся от долгого лежания и от того, что мешки не перебрасывались [Повесть о муке, о соли и прочем, с. 3].

Охранное отделение еще 27 января сообщало, что в лавках наблюдались столкновения покупателей с продавцами из-за того, что те продавали таксированный хлеб, «плохо выпеченный и из негодной муки, с горьким привкусом» [Глобачев, с. 390]. Во избежание дальнейших столкновений полицейским было вменено в обязанность дежурить у наиболее длинных «хвостов» и наблюдать за соблюдением порядка [Хлебный кризис, с. 4].

Власти были весьма обеспокоены планами оппозиции устроить 14 февраля шествие рабочих к Государственной думе с тем, чтобы выразить ей поддержку в ее конфликте с правительством. В условиях продовольственного кризиса волнения могли принять большие масштабы, и необходимо было хотя бы на время успокоить рабочих. 10 февраля градоначальник Балк распорядился выдать семьям рабочих муку на пять дней вперед (поскольку печеного хлеба не было) [Мука для Петрограда]. Полицейским было приказано проследить, чтобы к утру 14 февраля каждая пекарня выдала положенную норму хлеба [Распоряжение о выпечке, с. 3]. 13 февраля газеты успокаивающе писали о том, что у «большинства хлебных лавок и магазинов хвосты уменьшились», что «хлебный кризис утратил свою остроту» [Хлебный кризис, с. 4]. Хабалов дал интервью газете «Биржевые ведомости», в котором говорил:

Рабочая масса в целом далека от политики. Ее больше волнует, как и всех нас, продовольственный вопрос... К счастью, благодаря принятым чрезвычайным мерам продовольственный кризис удалось на время ослабить. Железнодорожные пути освобождены от снежных заносов. В последние дни в столицу прибывали большие партии муки, в среднем по 25 поездов в день (в действительности – по 25 вагонов. – С. Н.). Соответственно с этим увеличилось количество ежедневной выдачи муки пекарням, вместо прежних 28 тыс. пудов в настоящее время отпускается 35 тыс. пудов в день [Беседа, с. 1].

Власти действительно прилагали большие усилия, чтобы восстановить хлебное снабжение Петрограда. С 1 февраля, чтобы освободи-

дить пути для составов с продовольствием, было сокращено движение пассажирских поездов [Начало двух товарных недель, с. 3]. Риттих распорядился выбирать из задержанных на станциях составов вагоны с мукой, формировать из них скорые поезда и отправлять в Петроград [Мука, рожь и пшеница, с. 6]. 19 февраля «Биржевые ведомости» сообщали:

...Товарное движение на большинстве железных дорог постепенно налаживается. На юге и юго-востоке России снежные заносы совершенно прекратились и в значительной степени утихли морозы. Очистка путей, заваленных снегом, идет усиленно, причем к этой работе привлечено свыше 40 тыс. рабочих... [Проект продления товарного месяца, с. 3].

16 февраля «Биржевые ведомости» писали, что продовольственный кризис закончился, что хлебные «хвосты» пропали [Хлеб и булки, с. 4]. По версии уполномоченного Вейса, кризис объяснялся не недостатком хлеба, а «продовольственной паникой», стремлением населения создать запас хлеба накануне ожидавшихся 14 февраля крупных беспорядков [Продовольствие Петрограда, с. 3]. Вейс, разумеется, не мог признать, что это он 4 февраля сократил выдачу муки до 28 тыс. пудов и вызвал тем самым не только панику, но и настоящий голод. Принятое 10 февраля решение о выдаче муки на пять дней вперед погасило панику, но привело к существенному сокращению городских запасов. 13 февраля у города (у городского самоуправления и уполномоченного) имелось 714 тыс. пудов муки, а 15 февраля – только 536 тыс. пудов [Продовольственный вопрос, с. 4; Сведения о запасах, с. 79], то есть за два дня в преддверии ожидавшихся волнений было отпущено в пекарни не менее 178 тыс. пудов муки. Естественно, что паника закончилась, и «хвосты» на время пропали. Соответственно, у многих рабочих пропало желание участвовать в демонстрациях и забастовках. Жена председателя Думы А. Н. Родзянко с облегчением писала 15 февраля: «хлеб, к счастью, появился сегодня в больших количествах, что успокоительно повлияло на население» [К истории последних дней царского режима, с. 245].

Но трудности с доставкой продовольствия еще не были преодолены. За неделю с 15 по 21 февраля в среднем в день прибывало только 20 вагонов с мукой [Сведения по Петрограду, с. 72]. Поэтому 18 февраля власти снова уменьшили норму выдачи муки в пекарни [Государственная дума, с. 342], и снова у булочных выросли «хвосты». Французский посол Морис Палеолог записал 20 февраля в дневнике:

Петроград терпит недостаток в хлебе и дровах, народ страдает. Сегодня утром в булочной на Литейном я был поражен злым выражением, которое я читал на лицах всех бедных людей, стоявших в «хвосте», из которых большинство провело там ночь [Палеолог, с. 201].

Один из приставов Выборгской части докладывал 22 февраля:

Почти всем полицейским чинам приходится ежедневно слышать жалобы, что не ели хлеба по два-три дня и более, поэтому легко можно ожидать крупных уличных беспорядков. Острота положения достигла таких размеров, что некоторые, дождавшись покупки фунтов двух хлеба, крестятся и плачут от радости [РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 741. Л. 114].

Как отмечалось выше, власти пытались представить эту вторую волну продовольственной паники как результат распространения слухов о будущем введении карточек на хлеб. Действительно, о введении карточек газеты писали с 13 февраля, но при том отмечалось, что это не дело ближайших дней, так как сначала должна быть проведена перепись населения Петрограда [Снабжение населения хлебом, с. 3]. Известия такого рода не могли вызвать панику, так как равномерная система распределения должна была облегчить жизнь населения: огромные «хвосты» и ситуация, когда многим не доставалось хлеба, были связаны именно с отсутствием карточек. Так что перед реальным введением карточной системы в конце марта никакой паники не наблюдалось. Очевидно, новый продовольственный кризис 18–25 февраля был вызван не продовольственной паникой, а реальной нехваткой хлеба в булочных.

Механизм возникновения паники при недостатке хлеба достаточно очевиден. Покупатели, которым не хватило хлеба, в следующий раз занимали очередь возможно раньше, ночью или вечером, чтобы иметь возможность получить его утром при открытии булочной. Так появлялись огромные «хвосты». По свидетельству очевидцев, очереди от булочных, протягиваясь, охватывали спиралями целые кварталы. Услышав, что хлеба больше нет, часть очереди не расходилась: работницы оставались, чтобы не потерять своего места в ней [Первая мировая война, с. 60]. Генерал-майор Глобачев писал своему начальству:

Матери семей, изнуренные бесконечным стоянием в хвостах у лавок, страдавшие при виде своих полуголодных и больных детей, пожалуй, сейчас гораздо ближе к революции, чем гг. Милюковы, Родичевы и К°, и, конечно, они гораздо опаснее, так как представляют собою тот склад горючего материала, для которого достаточно одной искры, чтобы вспыхнул пожар...

<...>

Если население еще не устраивает «голодные бунты», то это еще не означает, что оно их не устроит в самом ближайшем будущем: озлобление растет, и конца его росту не видать... А что подобного рода стихийные выступления народных масс явятся первым и последним этапом на пути к началу бессмысленных и беспощадных эксцессов самой ужасной для всех анархической революции, сомневаться не приходится [Глобачев, с. 388, 403].

Достаточно было одной искры, чтобы те, кому не хватило хлеба, принялись громить булочные: ведь они, конечно, знали, что там имеются запасы муки, и часть их отправляется на сторону.

Риттих надеялся, что до бунта не дойдет, что метели в конце концов закончатся, и он сможет спасти ситуацию. Действительно, снабжение постепенно налаживалось: 22 февраля прибыло 36 вагонов муки. Однако Вейс не увеличил норму выдачи пекарням, а отправил излишки в запас «для того, чтобы к Пасхе не поставить население Петрограда в зависимость от случайных обстоятельств». Уполномоченный почему-то полагал, что в настоящее время «острой нужды в черном хлебе не чувствуется», и сколько ни отпускай муки булочникам, «они не перепекут всего в хлеб, так как делают себе запасы» [Продовольствие Петрограда, с. 3]. Власти полагали, что опасность уже миновала. Заместитель председателя Государственной думы Н. В. Некрасов 25 февраля докладывал думцам, что кризис в ближайшее время будет преодолен, что подвоз продовольствия «идет в той мере, которая позволяет населению быть спокойным за обеспечение его продовольственными продуктами» [Государственная дума, с. 346]. На совещании в Городской думе 24 февраля отмечалось, что «имеющиеся у города запасы муки позволили пережить наиболее острый период, когда подвоз муки в столицу сократился до минимума» [Продовольственный кризис, с. 6]. Запасы городского самоуправления подходили к концу, оставалось только 260 тыс. пудов муки, но это не внушало беспокойства: Риттих обещал, что 25 февраля придут сто вагонов с мукой, которые находились уже поблизости, на станции Любань [Там же].

Действительно, хлеб начал поступать, но было уже поздно: началась Февральская революция. Как писал 23 февраля корреспондент газеты «Новое время», события начались с того, что на большой ткацкой фабрике Лебедева работницы обратились к администрации с просьбой организовать доставку хлеба на предприятие. Если же это окажется невозможным, то они просили уменьшить рабочее время

...с тем, чтобы остаток его они могли использовать на поиски хлеба, ибо они настолько ослабели, что не могут работать (курсив мой. – С. Н.). Ни то, ни другое исполнено не было. Работницы забастовали, и на третий день их забастовки, то есть вчера, им был объявлен расчет. Это послужило сигналом к забастовке остальных заводов. Рассчитанные работницы предприняли обход заводов Выборгской стороны, снимая всех рабочих. Рабочие охотно и вполне единодушно оставляли работу... После обеденного перерыва забастовали все фабрики и заводы Выборгского района (цит. по: [Балабанов, с. 433]).

Градоначальник Балк был очень удивлен, увидев из окон своего кабинета странную толпу:

В публике было много дам, еще больше баб... и сравнительно с прежними выступлениями мало рабочих... Густая толпа медленно и спокойно двигалась по тротуарам... и часам к двум стали слышны заунывные голоса: «Хлеба, хлеба...» И так продолжалось весь день всюду. Толпа как бы стонала: «Хлеба, хлеба» [Балк, с. 26].

Не вызывает сомнения, что Февральская революция началась как голодный бунт: именно так эти события описываются в донесениях властей и в воспоминаниях современников. Один из кадетских лидеров В. А. Оболенский писал:

Революция началась с бунта продовольственных хвостов, а этот бунт вспыхнул потому, что министр земледелия Риттих, заведовавший продовольствием Петербурга, испугавшись уменьшения подвоза хлеба в столицу, отдал распоряжение отпускать пекарням муку в ограниченных размерах, по расчету 1 фунт печеного хлеба на человека. Ввиду сокращения хлебных запасов... эта мера была вполне разумной, но лишь при одновременном введении хлебных карточек. Это обстоятельство, однако, Риттих упустил из виду. И вот у булочных образовались хлебные хвосты, в которых всякий старался забрать себе возможно больше хлеба. Когда же очередь доходила до середины хвоста, запас хлеба оказывался исчерпанным... Несколько дней нарастало недовольство обделенных, ропот в хвостах усиливался, и наконец начались бесчинства: жены и дети, стоявшие в хвостах, стали громить булочные и пекарни, а затем толпы их с криками: «Хлеба! Хлеба!» – пошли по улицам Петербурга. Женский бунт был поддержан рабочими, объявившими забастовку... В Петербурге создалось очень тревожное настроение, в особенности среди депутатов Государственной думы, хорошо понимавших причину возникновения продовольственных волнений. Но никому не приходило в голову, что началась революция... [Оболенский, с. 509].

Однако не следует думать, что Февральская революция была вызвана ошибкой Риттиха, не введшего карточную систему. Во-первых, чтобы ввести карточки, нужно было время, которым Риттих не располагал. Во-вторых – и это главное – недостаток хлеба был вызван глобальными обстоятельствами – нежеланием производителей продавать его в условиях обесценивания бумажных денег. С этими обстоятельствами не могли совладать ни Риттих, ни пришедшие ему на смену министры Временного правительства. Несмотря на все принимаемые меры, поставки хлеба в Петроград уменьшались. 30 апреля запасы муки и крупы в городе сократились до 97 тыс. пудов, и власти урезали паек по основной карточке до полуфунта хлеба (лицам физического труда выдавался 1 фунт) [ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 150. Л. 7, 44]. В июне реальная норма хлеба по карточкам составляла только треть фунта [Измозик, с. 41]. 24 августа английский посол Дж. Бьюкенен запросил срочную аудиенцию у А. Керенского. Он сказал:

Я уже однажды предупреждал императора, что голод и холод вызовут революцию; если теперь правительство не будет действовать незамедлительно, то те же причины вызовут контрреволюцию [Бьюкенен, с. 328].

Подводя итоги, можно констатировать, что основной причиной голодного бунта, который стал началом Февральской революции, было нарушение продовольственного снабжения, которое было следствием чрезмерной эмиссии бумажных денег. Эмиссия, в свою очередь, была продиктована необходимостью покрытия военных расходов, которые в условиях экономической слабости России не могли быть обеспечены внутренними займами. Таким образом, глубинной причиной фатального развития событий была экономическая слабость России.

Список литературы

- Балабанов М. От 1905 к 1917 году : Массовое рабочее движение. М. ; Л. : Госиздат, 1927. 455 с.
- Балк А. П. Последние пять дней царского Петрограда (23–28 февраля 1917 г.) // Русское прошлое. 1991. Кн. 1. С. 7–72.
- Беседа с командующим войсками Петроградского военного округа ген. С. И. Хабаловым // Биржевые ведомости. № 16098. 14 февр. С. 1.
- Блокадный Ленинград, паёк блокадников // Cuuks [сайт]. URL: <http://cooks.kz/blokadnyi-leningrad-payok-blokadnikov/> (дата обращения: 30.10.2016).
- Бьюкенен Дж. Моя миссия в России : мемуары. М. : Захаров, 2006. 432 с.
- В булочных // День. 1917. № 43. 15 февр. С. 4.
- В городской Думе // Новое время. № 14703. 1917а. 9 февр. С. 9.
- В городской Думе // Русская воля. № 45. 1917б. 16 февр. С. 5.
- Владельцам пекарен и булочных заведений // Новое время. № 14717. 1917. 24 февр. С. 4.
- Вопрос к правительству о продовольствии Петрограда. Речь Шингарева // Новое время. 1917. 25 февр. С. 4.
- Глобачев К. И. Правда о русской революции. М. : РОССПЭН, 2009. 519 с.
- Государственная Дума. 1906–1917 : стеногр. отчеты. Т. 4. М. : Правовая культура, 1995. 368 с.
- ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1917. Оп. 247. Д. 341; Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070; Ф. 111. Оп. 5. Д. 649.
- Доклад петроградского охранного отделения Особому отделу департамента полиции. Октябрь 1916 г. // Красный архив. 1926. Т. 4. С. 4–35.
- Дума нас «успокоила»! // Земщина. 1917. № 53. 25 февр. С. 2.
- Измозик В. Оглянемся на историю. 1917 год : Легенды и факты // Наука и жизнь. 1991. № 2. С. 34–43.
- История СССР : в 12 т. / отв. ред. А. Л. Сидоров. М. : Наука, 1968. Т. 6. 743 с.
- К истории последних дней царского режима // Красный архив. 1926. Т. 14. С. 228–249.
- К последнему заседанию Особого совещания по продовольствию // Новое время. 1917. № 14706. 12 февр. С. 2.
- Катков Г. М. Февральская революция. М. : Рус. путь, 1997. 471 с.
- Квиткин О. Население городов Европейской части РСФСР по переписям 1897, 1917, 1920 и 1925 годов // Демоскоп Weekly. 2003. № 129–130. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0129/argiv02.php> (дата обращения: 30.10.2016).
- Китанина Т. М. Война, хлеб, революция : Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г. Л. : Наука, 1985. 383 с.

Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М. : Наука, 1991. 487 с.

Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Революция и хлеб. М. : Мысль, 1990. 222 с.

Мичурин А. И. Политическая борьба в Государственном совете в годы Первой мировой войны. СПб. : Изд-во Политех. ун-та, 2010. 323с.

Мука для Петрограда // Новое время. № 14707. 1917. 10 февр. С. 3.

Мука, рожь и пшеница для Петрограда и Москвы // Русская воля. № 41. 1917. 11 февр. С. 6.

Начало двух товарных недель // Биржевые ведомости. № 16075. 1917. 1 февр. С. 3.

Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Paris : YMCA-press, 1988. 751 с.

Объявление командующего войсками Петроградского военного округа // Биржевые ведомости. № 16119. 1917. 24 февр. С. 1.

Падение царского режима : в 7 т. / ред. П. Е. Щеголев. Л. : Госиздат, 1924. 433 с.

Пайнс Р. Русская революция : в 2 ч. Ч. 1. М. : РОССПЭН, 1994. 400 с.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М. : Терра, 1996. 286 с.

Первая мировая война и конец Российской империи : в 3 т. / отв. ред. Р. Ш. Ганелин. СПб : Лики России, 2014. Т. 3. Февральская революция. 429 с.

Повесть о муке, о соли и прочем // День. № 41. 1917. 12 февр. С. 3.

Посребинский А. П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М. : Финансы, 1968. 167 с.

Посребинский А. П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 1950. Т. 31. С. 37–60.

Продовольственный вопрос в Городской думе // Речь. № 42. 1917. С. 4.

Продовольственный вопрос в Петрограде // Речь. № 53. 1917. С. 6.

Продовольствие Петрограда (беседа с уполномоченным В. К. Вейсом) // Биржевые ведомости. № 16115. 1917. 22 февр. С. 3.

Продовольствие Петрограда // Речь. № 38. 1917. 9 февр. С. 5.

Проект продления товарного месяца // Биржевые ведомости. № 16109. 1917. 19 февр. С. 3.

Протопопов А. Д. Показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Гибель монархии. М. : Фонд А. Дубова, 2000. С. 376.

Разложение армии. М. : Вече, 2010. 495 с.

Распоряжение о выпечке хлеба // День. № 41. 1917. 12 февр. С. 3.

Распоряжение по продовольствию // Новое время. № 14705. 1917. 11 февр. С. 3.

Родзянко М. В. Записка М. В. Родзянки // Красный архив. 1925. Т. 3. С. 69–86.

РГИА. Ф.1282. Оп. 1. Д. 741; Ф. 457. Оп. 1. Д. 78; Д. 892; Д. 904.

Сведения о запасах продовольствия в Петрограде // Известия по продовольственному делу. 1917. № 1 (32). С. 79.

Сведения о прибытии продовольственных грузов первой необходимости в Петроград // Известия Особого совещания по обсуждению и объединению мероприятий по продовольственному делу. 1917. № 2 (31). С. 101.

Сведения по Петрограду о прибытии и отправлении продовольственных продуктов // Известия по продовольственному делу. 1917. № 1 (32). С. 72–76.

Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М. : Изд -во АН СССР, 1960. 578 с.

Снабжение населения хлебом // День. № 45. 1917. 17 февр. С. 3.

Соболев Г. Л., Ходяков М. В. Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 8–28.

Хлеб и булки // Биржевые ведомости. 1917. № 16103. 16 февр. С. 4.

Хлебный кризис // День. 1917. № 41. 12 февр. С. 4.

Хэймсон А., Бриан Э. Стачное движение в России во время мировой войны: количественный анализ // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. М. : Наука, 1992. С. 79–113.

ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 107; Д. 150.

Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну. М. : Воениздат, 1956. 331 с.

Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год : в 2 т. М. : Республика, 1992. Т. 2. 496 с.

Hasegava Ts. The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle ; L. : Univ. of Washington Press, 1981. 624 p.

References

Balabanov, M. (1927). *Ot 1905 k 1917 godu. Massovoe rabochee dvizhenie* [From 1905 to 1917. Mass Labour Movement]. Moscow-Leningrad, Gosizdat. 455 p.

Balk, A. P. (1991). Poslednie pjat' dnei carskogo Petrograda (23–28 February 1917 g) [The Last Five Days of Tsarist Petrograd (February 23–28, 1917)]. In *Russkoe proshloe*. Vol. 1, pp. 7–72.

Beseda s komandujushhim vojskami Petrogradskogo voennogo okruga gen. S. I. Habalovym (1917) [Conversation with the Commander of the Troops of the Petrograd Military District General S. I. Khabalov]. In *Birzhevyje vedomosti*. No. 16098. Febr. 14, p. 1.

Buchanan, G. (2006). Moja missija v Rossii. Memuary [My mission in Russia and Other Diplomatic Memories]. Moscow, Zaharov. 432 p.

Blokadnyj Leningrad, pajok blokadnikov [Blockade Leningrad, the Ration of Blockade Men]. URL: <http://cooks.kz/blokadnyiy-leningrad-payok-blokadnikov/> (mode of access: 30.10.2016).

CGA SPb [Central State Archive of St Petersburg].

Doklad petrogradskogo ohrannogo otdelenija Osobomu otdelu departamenta policii. Oktjabr' 1916 g. (1926). [Report of the Petrograd Security Department to the Special Division of the Police Department. October 1916]. In *Krasnyj arhiv*. Vol. 4, pp. 4–35.

Duma nas "uspokoila"! (1917). [The Duma "Calmed us down"!]. In *Zemshhin*. No. 53. Febr. 25, p. 2.

Ganelin, R. Sh. (ed.) (2014). *Pervaja mirovaja vojna i konec Rossijskoj imperii. T. 3. Fevral'skaja revolyucija* [The First World War and the End of the Russian Empire. T. 3. February Revolution]. St. Petersburg, Liki Rossii. 429 p.

GARF [State Archive of the Russian Federation].

Globachev, K. I. (2009). *Pravda o russkoj revolyucii* [The Truth about the Russian Revolution]. Moscow, ROSSPEN. 519 p.

Gosudarstvennaja Duma. 1906–1917. Stenograficheskie otchety. T. IV. (1995). [The State Duma. 1906–1917. Verbatim Records. Vol. IV]. Moscow, Pravovaja kul'tura. 368 p.

Hasegava, Ts. (1981). *The February Revolution: Petrograd, 1917*. Seattle and London, Univ. of Washington Press. 624 p.

Hejmson, A., Brian, Je. (1992). Stachechnoe dvizhenie v Rossii vo vremja mirovoj vojny: kolichestvennyj analiz [The Strike Movement in Russia during World War I: A Quantitative Analysis]. In *Rossija i SShA na rubezhe XIX–XX vv.* Moscow, Nauka, pp. 79–113.

Hleb i bulki (1917) [Bread and Rolls]. In *Birzhevyje vedomosti*. No. 16103, Febr. 16, p. 4.

Hlebnij krizis (1917) [Bread Crisis]. In *Den'*. No. 41, Febr. 12, p. 4.

Istorija SSSR. T. VI (1968). [History of the USSR. 13 Vols., Vol. VI]. 743 p. Moscow, Nauka.

Izmozik, V. (1991) Ogljanemsja na istoriju. 1917 god. Legendy i fakty [Let's Look back on History. 1917. Legends and Facts]. In *Nauka i zhizn'*. No. 2, pp. 34–43.

K istorii poslednih dnei carskogo rezhima (1926) [On the History of the Last Days of the Tsarist Regime]. In *Krasnyj arhiv*. Vol. 14, pp. 228–249.

K poslednemu zasedaniju Osobogo soveshhanija po prodovol'stviju (1917) [On the Last Meeting of the Special Meeting on Food]. In *Novoe vremja*. No. 14706, Febr. 12, p. 2.

Katkov, G. M. (1997). *Fevral'skaja revolyucija* [The February Revolution]. Moscow, Russkij put'. 471 p.

Kitanina, T. M. (1985). *Vojna, hleb, revoljucija. Prodovol'stvennyj vopros v Rossii. 1914 – oktjabr' 1917 g.* [War, Bread, Revolution. The Food Issue in Russia. 1914 – October 1917]. Leningrad, Nauka. 383 p.

Kondrat'ev, N. D. (1991) *Rynok hlebov i ego regulirovanie vo vremja vojny i revoljucii* [The Market of Breads and its Regulation during the War and Revolution]. Moscow, Nauka. 487 p.

Kvitkin, O. (2003). Naselenie gorodov Evropejskoj chasti RSFSR po perepisjam 1897, 1917, 1920 i 1925 godov [The Population of the Cities of the European Part of the RSFSR according to the Censuses of 1897, 1917, 1920 and 1925]. In *Demoskop Weekly*. No. 129–130. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0129/arxiv02.php> (mode of access: 30.10.2016)

Lejberov I. P, Rudachenko, S. D. (1990). *Revoljucija i hleb* [Revolution and Bread]. Moscow, Mysl'. 222 p.

Michurin, A. I. (2010). *Politicheskaja bor'ba v Gosudarstvennom Sovete v gody pervoj mirovoj vojny* [Political Struggle in the State Council during the First World War]. St Petersburg, Izd-vo Politehn. un-ta. 323p.

Muka dlja Petrograda (1917) [Flour for Petrograd]. In *Novoe vremja*. No. 14707, Febr. 10, p. 3.

Muka, rozh' i psheica dlja Petrograda i Moskvy (1917) [Flour, Rye and Wheat for Petrograd and Moscow]. In *Russkaja volja*. No. 41, Febr. 11, p. 6.

Nachalo dvuh tovarnyh nedel' (1917) [The Beginning of Two Commodity Weeks]. In *Birzhevyje vedomosti*. No. 16075. Febr. 1, p. 3.

Ob'javlenie komandujushhego vojskami Petrogradskogo voennogo okruga (1917) [Announcement of the Commander of the Troops of the Petrograd Military District]. In *Birzhevyje vedomosti*. No. 16119, Febr. 24, p. 1.

Obolenskij, V. A. (1988). *Moja zhizn'. Moi sovremenniki* [My Life. My Contemporaries]. Paris, YMCA-press. 751 p.

Padenie tsarskogo rezhima. (1924). [The Fall of the Tsarist Regime. 7 Vols.]. P. E. Shchegolev, (Ed.). Leningrad, Gosizdat. 433 p.

Pipes, R. (1994). *Russkaja revoljucija. T. 1* [The Russian Revolution. 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, ROSSPEN. 400 p.

Paleolog M. (1996) *Carskaja Rossija nakanune revoljucii* [Tsarskaya Russia on the Eve of a Revolution]. Moscow, Terra. 286 p.

Pogrebinskij A. P. (1950). Sel'skoe hozjajstvo i prodovol'stvennyj vopros v Rossii v gody pervoj mirovoj vojny [Agriculture and the Food Problem in Russia during the First World War]. In *Istoricheskie zapiski*. Vol. 31, pp. 37–60.

Pogrebinskij, A. P. (1968). *Gosudarstvennye finansy carskoj Rossii v jepohu imperializma* [Public Finance of Tsarist Russia in the Era of Imperialism]. Moscow, Finansy. 167 p.

Povest' o muke, o soli i prochem (1917) [A Tale of Flour, Salt and Other Things]. In *Den'*. No. 41, Febr. 12, p. 3.

Prodovol'stvennyj vopros v Gorodskoj dume (1917) [The food question in the City Duma]. In *Rech'*. No. 42, p. 4.

Prodovol'stvennyj vopros v Petrograde (1917) [The Food Question in Petrograd]. In *Rech'*. No. 53, p. 6.

Prodovol'stvie Petrograda (1917) [Food of Petrograd]. In *Rech'*. No. 38, Febr. 9, p. 5.

Prodovol'stvie Petrograda (beseda s upolnomochennym V. K. Vejsom) (1917) [The Food of Petrograd (Conversation with the Authorised Representative V. K. Veis)]. In *Birzhevyje vedomosti*. No. 16115, Febr. 22, p. 3.

Proekt prodlenija tovarnogo mesjaca (1917) [Draft of the Extension of the Commodity Month]. In *Birzhevyje vedomosti*. No. 16109, Febr. 19, p. 3.

Protopopov, A. D. (2000). Pokazanija Chrezvychajnoj sledstvennoj komissii Vremen-nogo pravitel'stva [Testimony of the Extraordinary Investigation Commission of the Provisional Government]. In *Gibel' monarhii*. Moscow, Fond A. Dubova, pp. 360–420.

Rasporjazhenie o vypechke hleba (1917) [Order for Bread Baking]. In *Den'*, No. 41. Febr. 12, p. 3.

- Rasporjazhenie po prodovol'stviju (1917) [Order for Food Provision]. In *Novoe vremja*. No. 14705, Febr. 11, p. 3.
- Razloženie armii (2010) [Decomposition of the Army]. Moscow, Veche. 495 p. RGIA [Russian state historical archive].
- Rodzijanko, M. V. (1925). Zapiska M. V. Rodzijanki [Note of M. V. Rodzijanki]. In *Krasnyj arhiv*. Vol. 3, pp. 69–86.
- Shchegolev, P. E. (ed.) (1924). *Padenie carskogo rezhima T. 1* [The Fall of the Tsarist Regime. Vol. 1]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 433 p.
- Shigalin, G. I. (1956). *Voennaja jekonomika v pervuju mirovuju vojnu* [War Economy the First World War]. Moscow, Voenizdat. 331p.
- Shljapnikov, A. G. (1992). *Kanun semnadcatogo goda. Semnadcatyj god. T. 2* [The Eve of 1917. The Year of 1917. 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, Respublika. 496 p.
- Sidorov A. L. (1960). *Finansovoe polozhenie Rossii v gody pervoj mirovoj vojny (1914–1917)* [Financial Situation of Russia during the First World War (1914–1917)]. Moscow, Izd. AN SSSR. 578 p.
- Snabzhenie naselenija hlebom (1917) [Provision of the Population with Bread]. In *Den'*. No. 45, Febr. 17, p. 3.
- Sobolev, G. L., Hodjakov, M. V. (2016). Prodovol'stvennaja komissija Voennogo Sove-ta Leningradskogo fronta v 1942 g. [Food Commission of the Military Council of the Leningrad Front in 1942]. In *Novejšaja istorija Rossii*. No. 1, pp. 8–28.
- Svedenija o pribytii prodovol'stvennyh грузов pervoj neobходимosti v Petrograd (1917) [Information on the Arrival of Staple Foods in Petrograd]. In *Izvestija Osobogo soveshhanija po obsuzhdeniju i ob'edineniju meroprijatij po prodovol'stvennomu delu*. No. 2 (31), pp. 110–112.
- Svedenija o zapasah prodovol'stvija v Petrograde (1917) [Information on Food Sup-plies in Petrograd]. In *Izvestija po prodovol'stvennomu delu*. No. 1, p. 79.
- Svedenija po Petrogradu o pribytii i otpravlenii prodovol'stvennyh produktov (1917) [Information on Petrograd on the Arrival and Departure of Food Products]. In *Izvestija po prodovol'stvennomu delu*. No. 1 (32), pp. 72–76.
- V bulochnyh (1917) [In the Bakery]. In *Den'*. No. 43, Febr. 15, p. 4.
- V gorodskoj Dume (1917a). [In the City Duma]. In *Novoe vremja*. No. 14703, Febr. 9, p. 9.
- V gorodskoj Dume (1917b). [In the City Duma]. In *Russkaja volja*. No. 45, Febr. 16, p. 5.
- Vladel'cam pekaren i bulochnyh zavedenij (1917) [To the Owners of Bakeries and Bread Sellers]. In *Novoe vremja*. No. 14717. Febr. 24, p. 4.
- Vopros k pravitel'stvu o prodovol'stvii Petrograda. Rech' Shingareva (1917) [Question to the Government about the Food of Petrograd. Shingarev's speech]. In *Novoe vremja*, Febr. 25, p. 4.

The article was submitted on 21.01.2017